

ЧЕЧНЯ ПРОРЫВАЕТ РОССИЙСКУЮ ИНФОРМАЦИОННУЮ БЛОКАДУ

Author: [Erik Batuev](#)

Чтобы рассказать правду об условиях в лагерях для беженцев и военнопленных в Чечне, чеченский правозащитник рисковал жизнью на федеральном пропускном пункте.

В последний раз, когда Иналбек Шерилов был в Чечне, его приговорили к расстрелу. Чеченский паспорт в сочетании с бескомпромиссной позицией правозащитника убедил российских пограничников в том, что Шерилов опасный чеченский диверсант. Его отвели в близлежащий лес. В спину ему упиралось дуло АК-47. Прогремел выстрел.

Чудом Шерилову удалось спастись. Он был на волосок от смерти, но это ничуть не ослабило его решимость.

Исланбеку Шерилову 28 лет. Он режиссер-документалист и директор “Правозащиты”, организации, которая занимается защитой прав человека и гражданских свобод. В своей работе Шерилов соприкасается со всеми вопросами нарушений прав человека в Чечне, от чеченских беженцев до российских военнопленных.

Во время первой войны в Чечне российские правозащитники вели непосредственное наблюдение за развитием событий. В этот раз им приходится держаться в стороне от основных действий. Дважды Шерилову удавалось пройти через оцепление федеральных войск, пересекая линию фронта во время ожесточенных боев.

В: Как я понимаю, ваша организация была создана совсем недавно.

О: Наш центр был создан в прошлом году сразу после начала массовых арестов чеченцев по подозрению в совершении терактов в Москве, Волгодонске и Буйнакске. Тогда же мы стали следить за происходящим. Оказалось, что в одной Москве полиция задержала 768 чеченцев. Впоследствии многие из них утверждали, что их избивали и держали в течение многих дней, не предъявляя никаких обвинений.

Что удивительно, ни один не обратился в прокуратуру с жалобой на незаконное задержание и жестокое обращение. Это заставляет предположить, что многие чеченцы, живущие в России, просто не знают о своих правах или не считают, что российская конституция может их защитить. Стремясь выйти на свободу, задержанные прибегали к самому простому способу: давали взятки или обращались к влиятельным родственникам.

В: С какой целью вы поехали в Чечню в начале этого месяца?

О: Я хотел собственными глазами увидеть, что там происходит. Я хотел узнать, как обращаются с военнопленными, через что проходят беженцы. Многие российские военнопленные отказывались со мной говорить, потому что я российский правозащитник, а не представитель зарубежной организации. Один так меня боялся, что расплакался, когда я к нему подошел. Они отказываются называть свои имена или говорить о том, как их взяли в плен. Им легче общаться с иностранными журналистами. Одни не хотят, чтобы их родители узнали, что они в плену. Другие боятся, что после войны их могут отдать под трибунал. В прошлый раз, во время первой войны, было то же самое. Многие военнопленные, опасаясь преследования со стороны российских властей, просто не

вернулись домой после окончания войны. Некоторые перешли в ислам и стали воевать на стороне чеченцев.

В принципе, боевики хорошо относятся к военнопленным, регулярно их кормят. Конечно, к “контрактникам” (наемникам) и профессиональным солдатам относятся по-другому. Пленных заставляют строить оборонительные укрепления и рыть окопы. Поэтому они боятся, что после войны их могут обвинить в сотрудничестве с террористами.

Сложно сказать, сколько федеральных солдат было взято в плен. Чеченцы говорят, что только в Грозном находится более 1000 российских военнопленных. В горных районах их совсем немного. Туда федералы посылают, в основном, элитные подразделения десантников, которые так сопротивляются, что в плен их взять сложно. Кроме всего прочего, в горных районах у повстанцев постоянно не хватает припасов.

В: Вам сложно было попасть в Чечню?

О: Попасть было несложно. Вот выбраться было куда сложнее. Особенно тяжело было пересечь линию фронта. Мне пришлось сделать это дважды: сначала в Грозном, а потом около Дубай-Юрта. Там по дороге в столицу стоит несколько блокпостов. Когда военные прочитали в моих документах, что я правозащитник, они сразу решили, что я предатель. “Это вы не дали нам закончить войну в прошлый раз, “ - говорили они. Потом посыпались угрозы: “Моя бы воля, я б тебя на месте пристрелил”. В конце концов, они вернули мне документы и отпустили.

Из Грозного я вышел вместе с русской женщиной. Несколько недель она укрывалась от бомбежек в подвале. Потом, когда обстрел на время прекратился, она решила уйти в Ростов, где живет ее дочь. Женщина очень ослабла, но все равно везла тележку, в которой были все ее вещи. Я предложил ей помочь. Два километра я толкал эту тележку, пока мы не дошли до военного пропускного пункта.

Какой-то омоновец показал на меня пальцем и крикнул: “Отправить его в Моздок”. Он даже не спросил, кто я. Его люди попытались взять меня, но тут вмешалась русская женщина: “Что вы делаете! Он мне жизнь спас!” Она упала на колени и зарыдала, умоляя их отпустить меня. В конце концов, солдаты сдались. Они посмотрели, нет ли в моей сумке оружия, видео или аудиокассет, ничего не нашли и пропустили меня.

Главные неприятности ждали меня в Дубай-Юрте. Это было как раз после того, как все российские теле и радиостанции объявили, что чеченским мужчинам в возрасте от 10 до 60 лет статус беженцев предоставляться не будет, и они будут рассматриваться как “подозреваемые в причастности к боевикам”. Я пошел на один из пропускных пунктов, чтобы убедиться, что распоряжение Путина действительно выполняется. И, правда, всех чеченских мужчин старше десяти лет отводили в сторону и задерживали. Я подошел к солдатам и сказал, что я правозащитник и требую, чтобы всем беженцам разрешили пройти. Но ко мне подбежал армейский капитан и закричал: “Мы их пропустим, когда они нам выдадут Хаттаба и Басаева”. Я с возмущением ответил: “Но беженцы-то какое к ним имеют отношение?”

Спорить с этими солдатами было бесполезно. Они все равно не пропускали чеченских мужчин. К вечеру толпа рассосалась. В поисках ночлега беженцы пошли в близлежащую деревню. На следующий день я вернулся и попытался снова пройти через пропускной пункт. Там был тот самый капитан. Он спросил у меня документы, открыл паспорт и увидел, что я чеченец по национальности. “На кого ты работаешь? На Хаттаба? На Басаева?” Я ответил, что ни на кого не работаю. “Мы развяжем тебе язык, “ – пригрозил он. Я опять сказал ему, что я ни на кого не работаю, и вообще я занимаюсь защитой прав человека. И вот тогда он приказал своим людям отвести меня в лес и пристрелить. Они меня увели.

Я хотел их спросить, куда они меня ведут, и какого черта они собираются делать. Но как только я открывал рот, меня били прикладом в спину. Потом прозвучал выстрел. Я подумал, что стреляли в меня, и мне понадобилось время, чтобы прийти в себя. Потом я понял, что стреляли не в меня, и даже не те, кто должен был меня расстрелять. Оказалось, что когда солдаты вели меня в лес, нас увидел офицер ОМОНа (на мне была красная куртка). Он спросил у капитана, что происходит, и тот ответил: “Да мы тут поймали одного правозащитника”. И тогда омоновец выстрелил в воздух, чтобы предотвратить расстрел.

Эрик Батуев – корреспондент газеты “Свет”, выходящей в Назрани.

Location: [Stavropol](#)
[Russia](#)
[North Ossetia](#)
[Ingushetia](#)

Source URL: <https://iwpr.net/ru/global-voices/chechnya-proryvaet-rossiyskuyu-informacionnuyu>